

в пределах Повести временных лет, разве еще один случай, когда «вельможи» заменили собою «ближнюю дружину»,⁵ что, впрочем, ничего существенно нового не добавит; возможно, что благодаря рукописям удалось бы несколько увеличить приводимые Сениговым цифры татищевских «вельмож», опять-таки без существенного значения для нижеследующих заключений.

Теперь попытаемся решить основной вопрос: может ли появление в «Истории Российской» «вельмож» вместо указанных только что летописных наименований иметь какое-либо значение для характеристики общественно-политических взглядов Татищева или же оно является только одной из черт редакционной работы Татищева, до сих пор еще столь мало изученной исследователями? Приходится с вероятностью ответить отрицательно на первое предположение и, наоборот, утвердительно на второе. Подтверждение вероятности этого второго предположения можно найти в некоторой аналогии, а затем и в некоторых других косвенных соображениях.

Татищев подготовил к изданию «Судебник царя Ивана Грозного», снабдив его своими подробными, сохранившимися в нескольких даже, все более пространных редакциях примечаниями. Однако, как и в данном случае, Татищев изменял в некоторых отношениях и сам текст «Судебника», к счастью объясняя, почему он это делает. В статье 1-й «Судебника» начало ее гласит: «Суд царя и великого князя судити бояром, и окольниковым, и дворецким, и казначеем, и дьяком. . .». Такие же перечисления отдельных имеющих право суда чинов оказались в статьях 2-й и 3-й. Когда такое их перечисление было вновь повторено в статье 6-й, Татищев в примечании написал, что оно «излишне» и что он «езде едино судья вместо всех положил». Объяснял же Татищев это тем, «чтоб плодovitостью непотребного не распространять». Действительно, и в статье 6-й и везде далее мы видим уже одного «судью» вместо перечня всех упомянутых выше отдельных категорий возможных судей.⁶ Как видим, совершенно аналогичное явление произошло, когда Татищев решил «вельможами» заменить в «Истории Российской» ряд тех категорий древнерусского общества, которые можно было, по его мнению, подвести под это понятие. Таким образом, как в «Судебнике» обобщенный термин «судья» был придуман для всех категорий судящих самим Татищевым, так же это случилось и в «Истории Российской» с «вельможами»; правда, этот термин встречается и в летописи, но нигде в ней не имеет того обобщающего значения, которое ему в данных примерах придал Татищев.

Это, как видим, общее явление в трудах Татищева имело в своей основе его желание, особенно в более поздних трудах, или, точнее, даже в позднейших редакциях одного и того же труда, сделать их возможно более доступными для читателя. Об этом Татищев и сам пишет в «Предъизвещении» к первому тому «Истории Российской», когда объясняет, почему он предпринял громаднейший труд по переработке своей «Истории» из древнего на новое наречие. Он объясняет, свою работу именно тем, что «приготовленная» им «История» на древнем наречии «не всякому вразумительна». С этой целью он переложил ее на новое, свойственное читателю XVIII в. наречие, а в тексте добавлял свои пояснения (как в «Истории Российской», так и в «Судебнике»).

⁵ История Российская, т. II, стр. 62 и 281, вар. 129—129.

⁶ Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. М., 1768, стр. 1—6.